

В.О. Бобровников

СУД ПО АДАТУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАГЕСТАНЕ (1860–1917)*

Предмет моего исследования – использование обычного права (*адата*) в судах Дагестанской области после предпринятой российским правительством судебно-административной реформы 1860–1868 гг. В статье будут разобраны наиболее характерные для этих судов иски о нанесении ущерба личности и собственности, относящиеся по европейским (и российскому) законодательствам XIX–XX вв. к уголовному праву. Основное внимание уделяется изменению адатного права и процесса в дореволюционном Дагестане.

Под этим углом зрения дагестанский адат еще не изучался. Ученые, начиная с М.М. Ковалевского и Б.В. Далгата и кончая современными исследователями, видели в нем в основном источник по реконструкции общественного строя Дагестана с древнейших времен до русского завоевания. Для более поздней эпохи адат принято считать анахронизмом¹. Поэтому никто специально не изучал развитие в XIX–XX вв. таких важнейших черт обычного права, как денежные компенсации (*композиции*), высылка кровника из общины, прямой иск и иск по подозрению, очистительная присяга и проч.

Цель данной работы – посильное заполнение этого пробела в исследовании пореформенного дагестанского адата конца XIX–XX в. Основными ее источниками являются материалы государственных, мечетных и частных архивов. Делопроизводство и решения адатных судов в пореформенное время, в основном записывавшиеся на арабском языке, почти не введены в научный оборот. Использованы также материалы полевых обследований автора 1992–1997 гг. в ареалах расселения ряда народов Дагестана.

Судебно-административная реформа 1860–1868 гг.

Дагестан полностью вошел в состав Российской империи после разгрома в 1859 г. военных сил имамата Шамиля. Российская администрация столкнулась здесь с устойчивой правовой системой, где обычное право – *адат* сочетался с мусульманским правом – *шариатом* (в редакции, принятой в *шафиитском* религиозно-правовом толке суннитского ислама). По обычному праву разбирали уголовные и поземельные, а по шариату – гражданские и семейные иски. С конца XVIII в. многие сельские общины при решении уголовных дел перешли к шариату². Каждый адат обладал юридической силой на территории одной сельской общины, ханства или иного политического образования. Источником обычного права были прецеденты решения уголовных и поземельных тяжб сельскими (арабск. *диван*) и третейскими (арабск. *маслихат*) судами. Члены этих судов избирались на сельских сходах.

Отношение российских властей к обычному праву не раз менялось. При генерале А.П. Ермолове (командующий Кавказским корпусом и главнокомандующий в Грузии в 1816–1827 гг.) и его преемниках оно было резко отрицательным. В 1840 г. была предпринята попытка заменить адат и шариат российским законодательством. В г. Дербенте и горных селениях Кайтага и Табасарана вводились общероссийские гражданские и уголовные суды. Однако за исключением Дербента, где с 1806 г. существовало комендантское управление, местные жители в эти суды не обращались. Согласно донесениям начальников участков, в начале 1840-х годов в горах Кайтага и Табасарана скопилось несколько сотен бежавших от российского правосудия кровников. Они образовывали разбойничьи шайки, грабившие местное население и трево-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00467).

жившие российские власти³. После общедагестанского восстания против российской администрации (1843 г.), зачинщиками которого в Южном Дагестане оказались эти шайки, российские суды для дагестанских мусульман в 1848 г. были распущены.

В российском Дагестане обычное право впервые начало использоваться в судах Самурского округа. В 1839 г. Генерал Е.А. Головин предписал окружному начальнику при судебном разборе уголовных и поземельных дел «не руководствоваться исключительно законом (т.е. российским правом. – В.Б.), а преимущественно придерживаться народных обычаев и понятий (т.е. адатного права и процесса. – В.Б.)»⁴. В состав окружного суда вошли шариатские судьи (арабск. *кадии*, в Дагестане их обычно называли по-персидски *дибир*) и знатоки местного адата, по одному от каждой общины (арабск. *махалла*), образовывавших округ.

В 1860–1868 гг. российское правительство разрешило суд по адату во всем Дагестане. Начало реформе обычного права положило «Положение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом», утвержденное 5 апреля 1860 г. Кавказским наместником кн. А.И. Барятинским. Было решено, что у местных мусульман «судопроизводство отправляется по адату и шариату и по особым правилам, постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности (т.е. по адату, измененному сообразно нуждам правительства. – В.Б.)»⁵. Новая судебно-административная система получила название «военно-народного управления». Ее создание в основном завершилось после принятия 26 апреля 1868 г. «Положения о сельском управлении в Дагестане». С небольшими изменениями, внесенными в него после подавления антироссийского восстания 1877 г. военно-народное управление просуществовало до 1917 г.

По мысли российской администрации, судебно-административная реформа в Дагестане преследовала три основные цели. Во-первых, она должна была создать в крае централизованную судебно-административную организацию. В ходе реформы были упразднены последние мусульманские ханства, обладавшие собственной юрисдикцией: Казикумухское (его оформление длилось с 1858 г. по 1859 г.), Аварское (в 1861–1864 гг.), Кюринское (в 1862–1865 гг.), владения Кайтага и Табасарана (в 1866 г.), шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство (в 1867 г.). На их месте создавались округа – Самурский (в 1839 г.), Даргинский (в 1854–1857 гг.), Андийский (в 1859 г.), Гунибский и Казикумухский (в 1860 г.), Аварский (в 1864 г.), Кюринский (в 1865 г.), Кайтаго-Табасаранский (в 1860–1866 гг.) и Темир-Хан-Шуринский (в 1867 г.). Засулакская Кумыкия вошла в состав Хасавюртовского округа Терской области, Кубинское ханство – в Закатальский округ Бакинской губ. Округа были разделены на наибства, а последние – на участки⁶.

Всевозможные адатные, третейские и шариатские суды, существовавшие до реформы, были заменены едиными *сельскими словесными судами*. По адату они разбирали мелкие уголовные преступления против личности (семейные ссоры, сельские драки, публичные оскорбления женщин) и собственности (обман, утайку денег, воровство), а также хозяйственные преступления (потравы, нарушения единого сельскохозяйственного оборота), если сумма ущерба не превышала 50 руб. По шариату они могли разбирать только гражданско-семейные тяжбы, сумма иска которых не превышала 100 руб.⁷

Решения словесных сельских судов могли обжаловаться в месячный срок в *окружных народных судах*, созданных при начальниках округов. Последние ведали тяжелыми уголовными преступлениями против личности (поранения, изнасилования, похищения женщин) и собственности (крупное воровство, случаи разбоя и грабежа), а также поземельными тяжбами между сельскими общинами, сумма иска в которых составляла более 50 руб.⁸ Все эти дела разбирались по адату. По шариату в окружных народных судах решали гражданские и семейные тяжбы, если сумма иска превышала 100 руб.

Апелляционной инстанцией для окружных судов стал *Дагестанский народный суд*.

Он был сформирован при генерал-губернаторе Дагестанской обл. в г. Темир-Хан-Шуре. В месячный срок он разбирал жалобы на решения окружных народных судов, а также серьезные уголовные и поземельные иски между мусульманами, переданные на его рассмотрение лично генерал-губернатором. Тяжбы между мусульманами и русскими переселенцами в 1860–1875 гг. решались в *Дагестанском областном суде*, а позднее в заменивших его двух отделах мировых судов – в Дербенте и Темир-Хан-Шуре⁹.

Второй целью реформы было ослабление судебной и законодательной власти мусульманских руководителей сельских общин (кадиев, суфийских *шейхов*) и создание светской общедагестанской администрации, которая пользовалась бы доверием и авторитетом у местных жителей и была бы послушным исполнителем решений центральных российских властей в Дагестане. Основу такой администрации должны составить члены адатских судов из местных жителей, постепенно превращавшиеся в российских чиновников, находившихся на казенном жаловании.

В состав сельских словесных судов, как и дореформенных адатных, входили дибир, муэдзин (на многих дагестанских языках – *будун*), секретарь (арабск. *'амиль*) и от 2 до 12 чел. старейшин в зависимости от численности сельской общины¹⁰. После реформы в состав сельских судов всех округов был введен сельский староста (общедагестанский термин – *бегавул*). До 1866 г. эта должность встречалась только в Северо-Западном и Центральном Дагестане. Окружные суды состояли из начальника округа, кадия, секретаря и «депутатов» от каждого наибства из числа знатоков местного адата. Дагестанский народный суд состоял из генерал-губернатора области, кадия, секретаря и девяти «депутатов», выбравшихся начальником области из числа ее жителей, пользовавшихся всеобщим почтением¹¹.

Дагестанские мусульмане по-прежнему могли выбирать большинство членов сельских судов: дибира и будуна – на 3 года, бегавула – на 2 года, остальных членов суда (тюрк. *диванбеков*) – на год. Сохранен был высокий образовательный и возрастной ценз судей по адату: они должны были быть старше 40 лет, хорошо знать арабское делопроизводство, адат и шариа¹². Кроме того, сельская община сохранила прежний полицейский аппарат. Он состоял из глашатая (общедагестанские названия – *мангуш*, *чауш*), который объявлял постановления суда, и судебных исполнителей (аварск. *г/ел*, даргинск. *баруман*, кумыкск. *тургак*), обязанных приводить в исполнение решения суда. В зависимости от величины селения в нем было от 1 до 4 глашатаев и от 1 до 12 судебных исполнителей. Последних, как и прежде, назначали по жребию из членов общины на срок от одного месяца до года¹³.

В то же время судебная самостоятельность сельской общины была урезана. Важнейшие постановления сельского суда перестали выносить на обсуждение сельского схода (арабск. *джамаата*, аварск. *руккела*). Была значительно ограничена власть дибира. Вместо него председателем словесного суда стал сельский староста-бегува. Если при голосовании число голосов джамаата разделялось поровну, то вопрос решался согласно мнению бегавула. Сход без него не имел права собираться, а если все же собирался, принятое им решение не имело юридической силы. После восстания 1877 г. бегува стал назначать начальник округа, он же утверждал кандидатуру избранного сходом дибира и других членов суда¹⁴.

Третьей целью реформы была модернизация обычного права и процесса для подготовки постепенного перехода дагестанцев к российскому судопроизводству и законодательству¹⁵. На первом этапе такого перехода были сохранены основные нормы адатского процесса и права, общие для всех мусульманских народов Дагестана. По форме суд остался прост. Прокуроров и адвокатов в нем не было. Уголовные и поземельные дела по-прежнему разбирались одинаково. Сельский суд собирался у мечети по пятницам, если заявление не требовало немедленного разбирательства. Кроме изнасилований, увоза девиц и оскорбления женщин, дела в судах всех уровней всегда рассматривались гласно.

Пореформенные адатные суды всех уровней продолжали различать прямые иски (при наличии свидетелей или явных доказательств) и иски по подозрению¹⁶. Новым видом дел стал иск по доносу полиции¹⁷. Доказательствами считались: личное признание обвиняемого; вещественные доказательства; показания свидетелей, данные под присягой; прежние письменные документы, записи решений суда. Подозреваемый мог быть освобожден от ответственности, если родственники под клятвой признавали его невиновным. Как и прежде, различали клятву именем Аллаха и т.н. «кебинную присягу» (тюркск. *кебин талак, хатун талак*). В случае жлесвидетельства женатого разводили с женой, а у холостого отбирали земельный участок в собственность сельской мечети¹⁸.

Среди наказаний, предусматривавшихся прежде адатом, юридическую силу сохранили (в несколько измененном виде) изгнание кровника из сельской общины (тюркск. *канлы*), штрафы за пролитие крови (арабск. *дият*, тюркск. *алым*) и за любой ущерб, нанесенный собственности, взимавшиеся как в пользу пострадавшего, так и в пользу общины. Шире, чем до реформы, должны были применяться денежные композиции и тюремное наказание. Были предприняты попытки ограничить распространение ответственности за уголовные преступления на родных подсудимого, переложив вину за убийство и другие тяжелые уголовные преступления только на него лично¹⁹.

Адатный уголовный процесс и право, в деталях которого до реформы царил полный разбой, были несколько унифицированы²⁰. По всему Дагестану по делам о воровстве, поджогах и потравах в зависимости от величины нанесенного ущерба назначалось от 1 до 12 чел. соприсягателей, по делам о прелюбодеянии – 15, по делам о ранениях и убийстве – от 6 до 30, по делам, влекущим кровоотмщение, – от 12 до 60 чел. Были установлены более единообразные сроки изгнания из селения: от трех месяцев за оскорбление женщины до трех-десяти лет за убийство. Штрафы в большинстве мест из натуральных были переведены в денежные. Дият стал чаще определяться в российских денежных единицах – от 30 руб. в Казикумухском округе до 300 руб. в Самурском и Андийском округах²¹. Новыми мерами наказания в пореформенном адате стали принудительные общественные работы²².

Вместе с тем российская администрация попыталась запретить ряд норм адата, прямо противоречащих российскому законодательству. Вне закона было объявлено кровоотмщение, в дореформенный период разрешенное в соответствии с адатом по отношению к кровникам и застигнутым на месте преступления ворам и прелюбодеям. Убийства и случаи кровной мести, изъятые из юрисдикции адата, стали передавать в российские военные суды. Высылку кровника в изгнание попытались заменить ссылкой на поселение в отдаленные районы России²³. Запрещены были законы адата, разрешавшие трехдневный грабёж имущества убийцы и *ишкиль (баранта)* – самовольный захват имущества несостоятельного должника²⁴.

Чтобы выяснить, насколько успешно удалось претворить в жизнь все цели реформы, нужно обратиться к материалам адатных судов за 1860–1917 гг. Ниже я рассмотрю разбиравшиеся в них типичные уголовные и поземельные дела. При разборе каждого типа дел материал расположен следующим образом: сначала приводится судебная статистика, затем – сведения об участниках и причинах исходных конфликтов, способы их мирного урегулирования, основные наказания за совершённые преступления и случаи повторных столкновений и споров, возникших в ответ на исходный конфликт.

Преступления против личности

За 1860–1917 гг. через адатные суды всех уровней прошли 153786 исков, в том числе более 75 тыс. уголовных и уголовно-поземельных дел. Около 20% из их общего числа относятся к преступлениям против личности²⁵. Последние в свою очередь включают в себя несколько групп: 1) дела по словесным оскорблениям, ссорам и дракам без нанесения серьезных увечий; 2) по прелюбодеянию, случаям похищения и изнасилования женщин; 3) по ранениям, увечьям и обвинениям в убийстве.

Первая группа этих дел разбиралась только сельскими судами. Этот традиционный тип внутريدеревенских конфликтов встречается в пореформенное время в большинстве дагестанских селений. Разбирались ссоры и драки, которые случались между мужчинами и юношами-подростками из числа *узденей* – полноправных общинников (80% дел). После реформы в этих конфликтах все чаще стали участвовать уравненные в правах с узденями крепостные крестьяне (*чагары, терекеме*) и потомки освобожденных в 1867–1868 гг. рабов (аварск. *лаги*, даргинск. *кули*, кумыкск. *караваш*)²⁶. Причиной таких столкновений могли стать вражда между членами кланов (*тухумов*) или жителями кварталов, оскорбления и потасовки во время свадеб, празднеств и примирительного угощения кровников.

Примерами подобных конфликтов могут служить традиционные «каменные побоища» подростков из разных тухумов в с. Кумух, Тлисси, Хунзах; регулярные драки без применения оружия происходили между жителями «верхних» и «нижних» кварталов с. Ахты, Балхар, Бацада, Ботлих, Чох; драки с применением огнестрельного и холодного оружия случались на пятничных базарах в с. Вачи, Кафыр-Кумух, Нижние Казанищи, Чиркей²⁷. Новым видом конфликтов этого типа стали ссоры и драки в нетрезвом состоянии, широко распространившиеся в Темир-Хан-Шурином и Казикумухском округах²⁸, где под влиянием контактов с русскими переселенцами и сезонного отходничества в центральную Россию выросло потребление водки и бузы.

Примирение (арабск. *маслихат*) враждующих сторон осталось прерогативой местного словесного суда. В случае драк с применением оружия сторона, признанная на суде зачинщиком столкновения, обязательно должна была устроить угощение для всей сельской общины. Признавая невозможность искоренения этих конфликтов, словесные суды не применяли к виновным тяжелых наказаний. За нарушения общественного порядка участники столкновения платили в пользу общины натуральные или денежные штрафы, зачинщиков драки заключали в тюрьму на срок от одних до семи суток.

Штрафы за эти столкновения не поддаются строгой унификации. Так, в с. Цолода за оскорбление словом в пользу общины взимались одна-две меры зерна (аварск. *кайля*), за побои – две овцы. В селах Нижний Батлук, Урда и др. за удар кулаком брали одного быка, за удар кинжалом, камнем или другим предметом – один котел весом четыре ратала (аварск. мера примерно в 12 кг) для потерпевшего и другой такой же – для общины. В с. Тукита обнаживший кинжал отдавал общине двухлетнего барана, в с. Гонода и Корода – 5 руб. В с. Местерух штрафы были переведены в российские денежные единицы: за побои рукой, палкой или камнем платили общине 1 руб., за обнажение кинжала – 3 руб.²⁹.

Преступления, образующие вторую группу дел, чаще встречались в Даргинском округе. В остальных округах отмечено всего 317 случаев похищения женщин, в том числе 7 замужних. В среднем за год вчинялось до 50 исков по прелюбодеянию и не более 10 исков по увозу девушек. Ответчиками были в основном молодые мужчины-уздени в возрасте 15-40 лет³⁰. В пореформенную эпоху среди похитителей стало больше выходцев из социальных низов – крепостных и бывших рабов. Прежде в подобных случаях истцы и ответчики, как правило, происходили из разных тухумов одного и того же селения. Теперь такие иски случались и между жителями соседних селений³¹. Причиной похищений незамужних женщин и их публичных оскорблений по-прежнему было стремление ответчика принудить потерпевшую к браку с ним.

Типичные дела по публичному оскорблению и похищению девушек описаны Х. Умахановым в с. Гагатль. Например, Али Валияв пытался похитить свою односельчанку, когда ее родные отказали ему в сватовстве. Гаджиявдибир Албегадиев сорвал с гагатлинки Аминат платок на улице, чтобы заставить ее выйти за него замуж. Подобные дела отмечены и в других дагестанских селениях³². Все иски по поводу таких преступлений, как правило, возбуждались истцами при наличии явных улик.

Согласно общим уголовным нормам дагестанского адата, по степени тяжести

сексуальные преступления продолжали делиться на три категории. Мелким проступком считалось скотоложество. С виновного в нем, если он был совершеннолетним, в с. Ботлих хозяин скотины брал в возмещение морального убытка барана, а в селах Микаги и Хюркели – пару поршней для ружья. Несовершеннолетний за скотоложество не отвечал³³. Публичное оскорбление или похищение женщин грозили ответчику штрафом в пользу семьи истца и общины, а также изгнанием из селения на срок от трех месяцев до одного года. В Даргинском округе штраф увеличивался, если похищенная девушка была увезена в соседнее селение³⁴. Самым тяжелым сексуальным преступлением по-прежнему считалось прелюбодеяние. Типичным наказанием за него было постановление с. Тануси об изгнании виновного из селения как кровника-канлы на срок от трех месяцев до трех лет с уплатой общине штрафа в 10–30 руб. Подобные адатные нормы записаны и в других селениях, например в Кумухе и Хунзахе³⁵.

При поддержке начальников округов и наибов сельские старшины в словесном суде часто добивались примирения враждующих семей в случаях публичных оскорблений девушек. Однако реформа не смогла переломить традиционного представления о справедливости убийства прелюбодеев, застигнутых на месте преступления или при подозрении в этом проступке. Вплоть до революции в Даргинском, Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шурином округах мужчины нередко убивали своих жен, дочерей и родственниц по подозрению в прелюбодеянии. За убийство похитителей женщин и прелюбодеев в 1860–1917 гг. около 3 тыс. дагестанцев, согласно российскому уголовному праву, были осуждены военными судами³⁶.

Так как исполнительная власть в Дагестане была еще довольно слаба, по числу ранений и убийств область занимала одно из первых мест в Кавказском крае. С ростом населения их общее число выросло с 427 в 1866 г. до 678 в 1916 г. В среднем на каждые 300 жителей ежегодно приходилось одно ранение или убийство. Наибольшее число ранений отмечено в Казикумухском, а убийств – в Кайтаго-Табасаранском округах³⁷. Большинство этих конфликтов возникло между лицами одной социальной группы – ханами и беками, свободными узденями, крепостными или потомками рабов. Среди ответчиков 99% составляли мужчины в возрасте от 15 до 40 лет, 1% – женщины того же возраста; 85% потерпевших – мужчины в возрасте 15–40 лет, 15% – молодые женщины³⁸.

Убийств и ранений лиц высшего социального статуса – наибов из числа бывших беков и ханов, а также сельских кадиев – отмечено немного – всего 14 за 57 лет. Большинство их приходится на время восстаний против русского владычества (1861–1877 гг.). Так, в 1861 г. горцы Ункратля, образовавшие отряд под предводительством Каракуль-Магомы, перебили сельских старшин, поставленных российскими военными властями в с. Ботлих, Тинди и сельских общинах чамалалов. В 1871 г. трое узденей из с. Сильди убили своего найба Хаджиялава. Во время общедагестанского восстания 1877 г. были убиты и ранены найбы и кадии в селах Алкадар, Согратль, Хюраки³⁹.

По адату, принятому повсюду кроме Казикумухского и Самурского округов, убийства и ранения делились на две группы: *простые* и те, которые носили название *каракан*. Караканом считались деяния, совершенные умышленно, из засады, в пределах личных владений потерпевшего – на его поле или в его доме, в мечети и святых местах, а также совершенные ночью (умышленные преступления составляли 19% дел этой категории). Характерный пример каракана – убийство ночью из засады жителя с. Ботлих его несостоятельным должником из с. Верхнее Риквани. Простыми считались случайные ранения и убийства. Наиболее частыми их причинами были неосторожное обращение с оружием, ссора или состояние опьянения. Типичные примеры таких дел – случай в с. Хвайни, где чабан Гаджияв Манкуев ночью случайно убил оказавшегося рядом Гойтемира Мантигова, или инцидент в с. Гагатль, где во время ссоры пастухов чабан Магомед был заколот Гуми Албудаевым⁴⁰.

Случаи кровной мести

Пытаясь подорвать принцип талионного права в адате, требовавший кровоотмщения по убийствам, ранениям и оскорблениям, окружное начальство непрерывно боролось с кровной мстью, составлявшей в дагестанском обществе отдельную большую группу преступлений. За убийства и ранения выходцев из феодального сословия, состоявших на русской службе, военные суды осудили на высылку в отдаленные губернии России всех жителей общин селений Метрада, Сильди, Верхнее и Нижнее Хваршини, Хушет. По нормам адата родственники убитых наибов и сельских старшин в качестве дията получили во владение пастбища, принадлежавшие высланным селениям. Были приняты новые адатные нормы, ужесточившие ответственность за убийства и ранения сельской верхушки. Так, в с. Хюраки за убийство кадия изгнали семерых участников убийства или их ближайших родственников⁴¹.

Чтобы предотвратить возможное кровоотмщение, кровника, зашедшего в селение, где жили родственники убитого им, штрафовали на 200 руб. Убийцу, не успевшего скрыться, сразу же арестовывали. В Самурском округе его держали под арестом полгода до устройства примирения с родственниками убитого⁴². Уже к началу 1865 г. при помощи российских властей в разных округах было примирено до 60–90% давних кровников. В 1870–1910-е годы сократилось число случаев кровной мести в Аварском, Темир-Хан-Шурином и Казикумухском округах. В с. Кадар были примирены два тухума, до этого враждовавшие около 200 лет. В Кубачах и многих других местах, ранее отличавшихся широким распространением кровной мести, в пореформенное время не было зарегистрировано ни одного случая кровоотмщения⁴³.

Маслихат кровников в исследуемый период неоднократно устраивался в селах Бежта, Гагатль, Кара-кюре, Тлядал, Хварши, Чувек, Шиназ и многих других. Он по-прежнему включал древний обряд примирения (кумыкск. *бет гермек*): добившись согласия тухума убитого на примирение, убийца-канлы в сопровождении своих родственников шел с повинной в дом своих врагов, надев на себя шашку, папаху и саван. Глава тухума убитого снимал с канлы шашку, саван и папаху. Дибир читал вступительную суру из Корана (*Фатиху*). На севере Дагестана при этом произносили коллективную молитву. После этого обряда и угощения вражда считалась оконченной⁴⁴. В Южном Дагестане известны случаи примирения кровников после бракосочетания юноши и девушки из враждующих семей. При этом родственники убитого не уплачивали калыма родным убийцы⁴⁵.

Перед совершением обряда примирения бегавул при посредничестве дибера и знатоков адата добивался согласия родственников потерпевшего принять «цену крови». В разных округах Дагестана покупательная способность российского рубля была различной, и местные композиции за убийство по-прежнему сильно отличались друг от друга. Так, за «простое убийство» в селах Бацада и Согратль взимался дият в 100 отрезков ткани, с. Гидатль – 30 коров, в общинах дидойцев – 60 коров, в с. Томс – 12 мер зерна и 25 руб., у тиндинцев и чамалалов – 180 руб., у цезов – 300 руб. или 300 овец, в селениях Кайтагского округа – 50–400 руб., в селениях Казикумухского и Самурского округов – 150–300 руб.

Убийство каракан оценивалось в 7–14 раз дороже. Кровь мужчины считалась вдвое дороже крови женщины. В случае ранения кровник оплачивал работу врача, стоимость лекарства и пропитания больного до его полного выздоровления. Плата за увечья, переведенная на русские деньги, осталась прежней. Кроме этих композиций кровник уплачивал штраф в пользу общины (от одного быка до 33–100 руб. в разных селениях)⁴⁶.

Несмотря на ограничение кровоотмщения, полностью искоренить его вплоть до Октябрьской революции не удалось. По дореволюционной статистике, около 80% всех тяжких уголовных преступлений совершались на почве кровной мести; в начале XX в. ежегодно совершалось до 500–600 убийств и более 2000 ранений, 40% этих преступлений приходилось на долю Андийского, Кайтаго-Табасаранского и Даргинского округов⁴⁷.

Кровная месть по-прежнему являлась с одной стороны ответом за поранения и убийства, а с другой – на оскорбления женщин и прелюбодеяния. Примерами первого типа кровной мести могут служить дело Пулен-оглы из с. Акуша, который убил в драке Кайнура Зайнутдин-оглы, а через год сам был застрелен братом покойного; случай с Дацием Даций-оглы из с. Оглы, который застрелил свою жену Ашуру, ее родственника Чопан Казан-оглы и сына последнего по подозрению в умышленном убийстве своего сына Османа; убийство калеки Баласи из с. Шиназ его женой из с. Чираг, вслед за этим заколотой старшим братом убитого⁴⁸. Характерный пример второго типа кровоотмщения – убийство Турач-Али из с. Тукита, его трех детей и отца в ответ на похищение им девушки из с. Карата⁴⁹.

Кроме того, в пореформенное время известны случаи мщения убийством в ответ на воровство или грабеж. Они чаще встречались в Андийском, Даргинском и Кайтаго-Табасаранском округах, где кровоотмщение было развито сильнее всего. В противоположном направлении – воровство и грабежи с целью оскорбления случались между тухумами, разделенными кровной враждой. Типичным примером убийства в ответ на такое воровство можно считать инцидент 1899 г. в Гагатль, где мужчины из семьи Хадисилавлал убили некоего Идилава, который не раз обворовывал и публично оскорблял их род. Отметим также случаи угона чеченцами с. Харачой стад своих кровников из пограничных селений Ботлих, Миарсо, Саситли. Такие дела, по рассказам стариков, старались не доводить до сведения властей⁵⁰. Кровники решали их в соответствии с дореформенными нормами адата, требовавшими обязательной смерти обидчика или его ближайшего родственника.

Российским властям не удалось существенно изменить дореформенную систему наказаний за уголовные преступления. В некоторых селениях, как, например, Акуша и Цудахар, за ранения и убийства продолжали судить не по адату, а по шариату. Не удалось заменить изгнание (канлы) ссылкой за пределы Дагестанской обл. Боясь оказаться в Сибири или центральной России, кровники из Аварского и Андийского округов по многу лет укрывались в Горной Чечне. В Южном Дагестане канлы бежали в горы Закатальского округа Бакинской губ.

Желая избежать недовольства мусульманского населения, начальство области разрешило в 1911 г. заменить ссылку кровников в Сибирь высылкой их «в отдаленнейшие округа Дагестанской области». Срок пребывания в изгнании по новому закону был увеличен до 20 лет⁵¹. В частности, по этому закону изгоняемые (которые также назывались «канлы») из с. Гагатль (Андийский округ) высылались в села Чиркей, Кумух в Центральном Дагестане и даже в с. Ахты на юге Дагестана. Наоборот, в Андийский и Гунибский округа высылались канлы с юга и севера области⁵².

В ряде сельских общин вместе с кровником продолжали высылать и его ближайших родственников. Семьи убийц нередко сами бежали из родных селений, боясь мести членов более сильных тухумов. Такие случаи в пореформенное время отмечены в селах Гимры, Игали, Кахаб-росо и Ашильта. Здесь после смерти канлы на его место заступал ближайший родственник. Только после смерти семи ближайших родственников или потомков убийцы кровоотмщение считалось законченным. В с. Гдым целый тухум был основан в конце XIX в. семьей, изгнанной из с. Зрых за убийство одним из ее членов односельчанина⁵³.

Преступления против собственности

Около 25% исков, прошедших в 1860–1917 гг. через адатные суды всех уровней, составляли преступления против собственности. Из них четко выделяются: 1) иски по воровству и утайке чужой собственности; 2) дела о грабежах и разбоях.

Первая группа дел осталась прерогативой сельских судов. Большинство исков по воровству в пореформенное время отмечено в Даргинском и трех южных округах Дагестанской обл. Меньше всего жалоб на воровство поступало из горных селений Аварского, Андийского, Гунибского и Казикумухского округов – не более 15–20

ежегодно. Из обвиняемых в этом преступлении 1% составляли представители бывшего привилегированного сословия (ханы, беки, чанки), 62% преступников составили полноправные общинники-уздени и освобожденные рабы, 37% – зависимые крестьяне-чагары. Среди ответчиков было 95% мужчин 15–40 лет и 5% женщин той же возрастной группы. 50% истцов принадлежали к сословию узденей, 35% – к чагарам, 15% – к потомкам ханов и беков⁵⁴.

Рост воровства в Южном и Центральном Дагестане в пореформенное время был связан с тем, что именно сюда направлялся основной поток переселенцев из России, здесь в конце XIX в. выросли большие города Дербент и Темир-Хан-Шура. В горных селениях эти преступления встречались редко, потому что общественное мнение сурово осуждало их наравне с прелюбодеянием. Несмотря на запрет судить уголовные дела по шариату в селах Хварши, Хив и Хучни пойманных воров наказывали 40 палочными ударами. В селах Бежта, Гагатль, Кванада, Хонох, Цудахаре и других селениях отмечены случаи убийства воров, застигнутых на месте преступления⁵⁵.

За воровство в мечети, на мельнице, кражу колосьев с поля и баранов с пастбищ, а также за похищение вещей гостя большинство горных общин взимало штраф, в 12 раз превосходящий обычный штраф за воровство (1–10 руб.), и изгоняло виновного из селения на три-пять лет. Типичным наказанием можно считать адат с. Мачада, изданный в пореформенное время, предусматривавший двойной штраф (четыре шали и один котел) за кражу имущества у гостя, в мечети или из общинной казны. Для очищения от подозрения в воровстве в некоторых общинах требовалась присяга большего количества человек, чем в делах по убийствам: в Цудахаре – 40 чел., в Годобери и Зиберхули – 60 чел.⁵⁶

В случаях рецидивов воровства община нередко обращалась к наibu или начальнику округа с просьбой о высылке виновного в арестантские роты или отдаленнейшие губернии России. Власти шли навстречу этим просьбам. По официальной статистике, в пореформенное время из области за неисправимую наклонность к воровству было выслано 568 чел.⁵⁷ В сельских общинах воры-рецидивисты лишались права быть избранными на общественные должности. В силу указанных обстоятельств в большинстве округов Дагестана воровством занимались единицы. Селения, откуда происходили известные конокрады, как, например, Ризван из с. Инхоквари, надолго приобретали среди своих соседей дурную славу. Свидетельства тому можно найти в современном дагестанском фольклоре и микропонимике (например, у бежтин до сих пор известны местности *Цогьор кураь*, *Гигьдийа кувакья* – «В воровском ущелье»)⁵⁸.

Дела о вооруженном разбое и грабежах передавались в окружные народные и военные суды. Число их было невелико: всего 2,6%⁵⁹ от общего количества исков по преступлениям против собственности. В начале 1860-х годов в только что покоренном Нагорном Дагестане действовало несколько разбойничьих шаек. Но к концу 1870-х годов Центральный и Южный Дагестан были почти полностью освобождены от грабителей (*абреков*). Новое усиление абречества отмечено в Нагорном Дагестане после революции 1905–1907 гг. Оно было связано с общим кризисом власти в Российской империи вообще и на Кавказе в частности.

Из разбойников конца XIX – начала XX в. наиболее известны действовавшие на юге Дагестана шайки абреков Дали Али из Северного Азербайджана и Буба из с. Икра. На севере области в это время разбойничал знаменитый абрек Зелимхан из Чечни (убит в 1913 г.)⁶⁰. В отличие от воров горцы поддерживали абреков, видя в них «защитников старого адата». Используя и развивая этот образ, Буба и Зелимхан не раз выступали в роли судей по адату, защищая имущественные права чагаров и других наиболее обездоленных слоев горцев. Поддержка местных горцев позволяла им действовать совершенно открыто, несмотря на значительные контингенты войск, которые власти вынуждены были постоянно держать против абреков в Кюринском, Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шураинском округах⁶¹.

Хозяйственные преступления

Особую категорию дел, рассматривавшихся сельскими и окружными адатными судами, представляли нарушения хозяйственных норм адата. Они составляли до 18% всех дел, разобранных по адату судами Дагестанской обл. за 1860–1917 гг.⁶² В свою очередь эти дела делились на две группы: 1) иски о порче имущества вследствие потрав, пожаров и т.п., 2) дела о нарушении сельскохозяйственных норм адата, принятых в разных сельских общинах.

Иски по делам первой группы после реформы остались в руках сельских судов. Истцами и ответчиками в них обычно были свободные уздени (реже крепостные-чагары) из соперничавших общественных групп (тухумов, кварталов) одного и того же селения или соседних сельских общин. Причиной ссор и тяжб были время от времени повторявшиеся потравы скотом частных полей и сенокосов (арабск. *мульк*), общинных пастбищ (арабск. *харим*), пожары, нарушения очередности в использовании общественных оросительных каналов и пастбищ весной и летом⁶³.

В отличие от уголовных норм адата российским властям не удалось существенно реформировать поземельное обычное право. Для урегулирования хозяйственных конфликтов словесные суды обращались к записям дореформенных судебных решений по адату, хранившимся в архивах сельских мечетей и окружных центров.

Характерные примеры таких решений хранятся в мечетных архивах селений Бацада, Ботлих, Рутул, Саситли, Хварши, Хуштада. Установленные в них прецеденты решения уголовно-хозяйственных конфликтов сводятся к возмещению натурой или деньгами ущерба пострадавшему и штрафу в пользу джамаата. В с. Верхнее Гаквари виновный возвращал хозяину полную стоимость подоженного сезонного хутора (на всех дагестанских языках – *кутана*), мельницы или дома. В с. Карата за умышленный поджог брали штраф в 10 руб. За потравы земель соседнего с. Тлондода окружной суд обязал жителей с. Кванада огородить их за свой счет⁶⁴.

Дела второй группы также рассматривались словесными судами. В роли истца здесь выступала сама сельская община – джамаат, считавшаяся верховным собственником как общинных, так и частных участков на своей территории. Ответчиками чаще оказывались его члены, реже – члены соседних джамаатов. Иск обычно возбуждался должностным лицом общины (судебным исполнителем или членом словесного суда), поймавшим нарушителя закона с поличным. Для проверки исполнения хозяйственных постановлений джамаата во время весеннего сева, летней страды и осенней уборки урожая назначались судебные исполнители, которые обходили земли общины и докладывали словесному суду о всех замеченных ими нарушениях хозяйственного адата.

Наказания за эти преступления, как и в делах первой группы, определялись подобно наказаниям за воровство. Виновного в поливе своего поля с нарушением общей очереди лишали следующего по очереди полива и брали с него в джамаатную кассу одного быка. Адатные записи сел Бацада, Рутул, Тлондода, Хуштада показывают, что там в общинную кассу вносили штраф за любые нарушения единого севооборота (1-5 руб.), выжигание своего сада (25 коп.), вырубку общинных и частных роц (до 15 руб.), захват под строительство части общинных угодий «хотя бы размером в ладонь» (по 50 коп. за меру поля). Нарушителей хозяйственных норм адата также заключали в сельскую тюрьму сроком до трех суток. Под угрозой штрафа и тюрьмы люди и скот летом и осенью не могли заходить на зимние пастбища, а с началом сева до созревания урожая – на обрабатываемые земли (аварск. *мегъ*). На 15-й день осени джамаат «открывал» для прохода сады и виноградники. До начала страды запрещалось собирать «хоть часть» урожая (штраф 50 коп.), особенно виноград (штраф 1-2 руб.)⁶⁵. Подобные запреты отмечены и в других сельских общинах горцев⁶⁶.

В пореформенном Дагестане хозяйственный адат постепенно менялся. Особенно это было заметно в селениях на равнине и в предгорье, оказавшихся вблизи от быстро растущих городов Дербента, Темир-Хан-Шуры, Хасавюрта. Вследствие развития

оптовой торговли на рубеже XIX–XX вв. в селах Аркас, Белиджи, Касумкент, Хив и др. перестали соблюдать такой адат, как запрет на сбор винограда, злаковых культур и кукурузы и плодов (грецкие орехи, персики и другие фрукты) до 15-го дня осени⁶⁷.

После прекращения частных войн и междоусобиц горцы стали специализироваться на отгонном скотоводстве, равнинные жители – на земледелии. С конца XIX в. хозяйственные нормы адата горных селений стали уделять основное внимание охране общинных пастбищ от потрав и застройки. Такие записи имеются в архивах сел Бацада, Сильди, Хунзах, Чох и др. В с. Арчи до революции сохранялся адат, обязывавший арчинцев 9 месяцев в году находиться на отдаленных хуторах, пока их скот выпасался на зимних пастбищах вокруг селения⁶⁸.

Вместе с тем община повсюду продолжала охранять от расхищения сельскохозяйственные угодья всего джамаата. Особенно высокие штрафы (15–50 руб.) повсюду налагались на тех ее членов, которые пытались продать свой участок лицам, не жившим в данном селении. В селах Мишлеш, Саситли, Сюгут, Хуштада запрещалось продавать в соседние общины как необработанную древесину и хворост из общинного леса, так и хозяйственную утварь, сделанную из этой древесины (штраф в 15–20 руб.). В селах Тлондода и Хуштада штрафы за потраву пастбищ стадами соседних общин были в два–три раза выше обычных⁶⁹. В Гидатле за умышленный поджог моста, по которому пролегал основная скотопрогонная трасса, виновный штрафовался на 100 руб., изгонялся из селения и считался кровником всей общины как убийца. Подобные постановления согласно местному адату известны в конце XIX в. в селах Тлондода и Тпиг⁷⁰.

Поземельные тяжбы

Тяжбы, касающиеся прав сельских общин и частных лиц на владение или пользование разной недвижимой собственностью, составляли примерно 37% адатных исков, рассматривавшихся в окружных и Дагестанском народном судах в 1860–1917 гг.⁷¹ Среди них выделяются: 1) поземельные иски между сельскими общинами; 2) имущественные споры между общинами и крупными землевладельцами.

Поземельные тяжбы наряду с кровной мезтью стали настоящим бичом пореформенного Дагестана, уменьшить их число не смогли ни проведение судебной реформы 1860–1868 гг., ни деятельность *Сословно-поземельных комиссий*, одна из которых работала в 1860–1869 гг. в Засулакской Кумыкии, а две других – в 1869–1876 гг. в Южном Дагестане и Закатальском округе Бакинской губ. Уже после завершения работы комиссий в 1896–1915 гг. в окружные и Дагестанский народный суды было подано 89 тыс. поземельных исков и жалоб. В Военно-народное управление Кавказским краем в Тифлисе из разных округов Дагестанской обл. было отправлено 72 делегации с целью урегулировать поземельные споры⁷².

Поземельные споры между сельскими общинами чаще всего касались права владения или пользования (аренды и субаренды) пастбищами, лесами и водными ресурсами. Типичным примером таких конфликтов можно считать тяжбу сел Тлондода и Хуштада, претендовавших на совместное использование пастбищных гор Тархуб Бугъада, Цагуни и Чанди, находившихся в совладении с. Кудияб-Росо, Тад-Магитль и Изани. Это дело разбиралось народным судом Андийского округа в 1883 г. При посредничестве семи знатоков адата из нейтральных селений суд примирил тяжущихся, удовлетворив иск тлондодинцев и хуштадинцев. Однако из-за нечеткости установленных границ эта тяжба вновь слушалась в окружном суде в 1910 и 1912–1913 гг.⁷³

На рубеже XIX–XX вв. подобные затяжные тяжбы из-за патбищ отмечены между селами Карата и Тад-Магитль, Гагатли и Телетль, Кумух и Магарамкент и пр. Участки леса и пашни, скотопрогонные трассы не раз оспаривались друг у друга селами Анди и Гагатль, Ахты, Хуля и Хкем, Калук и Хрюк, Худжи и Сурсабаки, Урари и Барсамай, Альбурикент и Кяхулай-Торкали, Храх и Ялджуг и многими другими⁷⁴. Память о пореформенных спорах закреплена в топонимах и связанных с ними устных

преданиях. В фольклоре многих дагестанских народов встречается рассказ о том, как горцы обманули своих соседей. Насыпав в сапоги землю из своего селения, они поклялись на Коране, что земля, на которой они стоят, издавна принадлежала их общине⁷⁵.

Другим частым видом поземельных конфликтов в пореформенное время стали споры между крупными землевладельцами (ханами, беками), лишившимися своих владений в годы правления Шамиля, с одной стороны, и джамаатами горцев, которым не хватало земли для выпаса скота, — с другой. В качестве характерного примера такого дела можно привести тяжбу за владение пастбищной горой Игадах-меглер, разбившуюся в Дагестанском народном суде в 1887 г. На нее претендовали: с одной стороны — потомок прежде владевших ею беков из с. Кеди Алдамашвили; с другой стороны — ункратлинское общество сел Саситли, Гакко и Сильди; с третьей — родственники наиба Хаджиялава из с. Карата, убитого в 1871 г. ункратлинцами. Суд не удовлетворил просьбу потомка кединских беков. Пастбища были переданы в казну. Ункратлинцам и каратинцам было разрешено арендовать их у правительства за половинную плату⁷⁶. Сходные тяжбы велись в пореформенное время за пастбища (кутаны) между беками с равнины и арендовавшими у них пастбища общинами горцев сел Гелли, Губден, Мекеги и др⁷⁷.

Под влиянием российских законов и роста цены на землю появился новый вид поземельных конфликтов, разворачивавшихся на равнине и в предгорьях. Многие крупные землевладельцы стали нарушать закрепленные прежде адатом права собственности сельских общин на пользование зимними пастбищами. Так, в 1881 г. Бахтияр-Хаджи Ахмедхан, купивший у вдовы Мехтулинского хана кутан Кара-тубе, отказался признавать адатные права тех из его прежних арендаторов, у которых не сохранилось российских документов, подтверждающих эти права⁷⁸.

В 1888—1890 гг. в Дагестанском народном суде, а затем в Бакинском окружном суде слушалась жалоба жителей с. Нижний Дженгутай на нового владельца кутана Кир-яр, который не пускал их на пастбище в обход местного адата. Проиграв дело, дженгутаевцы вынуждены были уплатить штраф за потраву и купить этот кутан. По тем же соображениям жители с. Параул подтвердили свое право собственности на Идакум-кутан, которым они прежде пользовались по древнему адату, купив его с публичного торга в 1886 г.⁷⁹

* * *

Подведем основные итоги. В целом реформа обычного права оказались плодотворной. В Дагестане удалось создать гибкую судебно-административную машину, которая более полувека после завершения реформ справлялась с решением большинства конфликтов в уголовной и уголовно-поземельной сферах. Благодаря ее деятельности мусульманские народы Дагестана впервые после почти столетней Кавказской войны обрели внутреннюю безопасность и стабильность. В то же время, несмотря на все усилия правительства, так и не были искоренены кровная месть и частые поземельные столкновения. Довольно высоким оставался уровень преступности в высокоргорных южных и северных округах области.

Для Нагорного Дагестана пореформенный адатный суд оказался жизнеспособнее российской судебно-правовой системы конца XIX — начала XX в. Попытка российских властей ввести в Дагестане с 1913 г. российское уголовное делопроизводство провалилась. Поток жалоб от сельских общин и начавшиеся в горах волнения и убийства русских писарей заставили правительство уже в 1914 г. отказаться от осуществления этого указа⁸⁰. После распада империи в 1918 г. мировые отделы и российские суды присяжных в Дагестане были заменены военно-революционными комитетами, но словесные суды под новым названием *шарсудов* продолжали действовать до 1927 г.⁸¹

Проведенное исследование позволяет по-новому интерпретировать социальное содержание обычного права в дореволюционном Дагестане и шире — на Северном

Кавказе. До сих пор характерный для отечественного кавказоведения взгляд на адат как на пережиток прошлого должен быть пересмотрен. Дагестанский адат второй половины XIX – начала XX в. скорее отражает пореформенные институты и отношения. Судебно-административная реформа середины XIX в. не столько консервировала обычное право горцев, сколько меняла направление его развития, включая адат в общероссийское правовое пространство.

Военно-народное управление, созданное в пореформенном Дагестане, имело много общего с судебно-административными институтами французской и английской колониальных империй XIX в. Российская империя, как Англия и Франция, пыталась использовать адат для управления своими новыми мусульманскими подданными. Причем, как показали недавние исследования, в западноевропейских империях прошлого века было создано по существу колониальное обычное право (*customary law*)⁸². В пореформенном Дагестане и других регионах Российской империи, как мне кажется, мы имеем дело с феноменом того же рода, что и в колониальных империях Запада.

Примечания

¹ См.: Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1–2. М., 1890; Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. 1934 // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее – РФ ИИАЭ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 7; *его же*. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Махачкала, 1968. С. 77–144; Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960; Хашиев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Омаров А.С. Судебно-правовая политика царизма в Дагестане // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 13; Азгларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

² См., например, Постановление Бактлудальского «вольного общества» о соблюдении шариата // РФ ИИАЭ. Ф. 16. Д. 1704; ср. там же. Д. 1669.

³ Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сб. сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 11; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа (далее – АДОЗО). Тифлис, 1899. С. 31.

⁵ Комаров А.В. Указ. раб. С. 13.

⁶ Центральный государственный архив Дагестана (далее – ЦГА Д). Ф. 2. Оп. 1. Д. 12; Кавказский календарь за 1913 г. Тифлис, 1912. С. 234–235.

⁷ Егорова В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане // Сб. научных сообщений. Вып. 1. Махачкала, 1970. С. 105.

⁸ АДОЗО. С. 34.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ У аварцев старейшины назывались *члухлби* и *гламилъзаби*, у кумыков – *карты*, у лакцев – *кунисса* и *марцарантал*, у лезгин – *аксикалы* и *тамазалар*, у табасаранцев – *кевхи*. Подробнее см.: Хашиев Х.-М.О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах в Дагестане // Уч. зап. Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы (далее – УЗ ИИЯЛ). Вып. 1. Махачкала, 1956. С. 53–55; Рамазанов Р.А. Шиназ. Махачкала, 1990. С. 26–27; Полевой материал автора 1996–1997 гг., собранный в Нагорном Дагестане (далее – ПМ). Личный архив. Оп. Сельская община.

¹¹ АДОЗО. С. 35; Комаров А.В. Указ. раб. С. 12.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 7, 78.

¹⁴ «Положение о сельском управлении в Дагестане», п. 109; «... по назначению начальства занимают должности сельского старшины и его помощников». См.: ЦГА Д. Ф. 4. Оп. 2. Д. 5. Л. 18.

¹⁵ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

¹⁶ Памятники обычного права народов Дагестана XVII–XIX вв. (далее – ПОПНД). Махачкала, 1965. С. 125, 129, 131.

¹⁷ АДОЗО. С. 37–38.

¹⁸ Комаров А.В. Указ. раб. С. 19; Ср.: мечетные архивы сел Рутул (Рутульский р-н Дагестана) и Саситли (Сумадинский р-н Дагестана).

¹⁹ Омаров А.С. Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Вып. 6. Махачкала, 1966. С. 256; *его же*. Судебно-правовая политика царизма в Дагестане // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 13.

²⁰ Адаты южнодагестанских обществ // ССКГ. Вып. 8, Тифлис, 1875; ср.: АДОЗО, ПОПНД и др.

- ²¹ Петербургское отделение Архива РАН (далее – ПОА РАН). Ф. 103. Оп. 1. Д. 344. Л. 13, 16–21; Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ). Ф. 545. Оп. 1. Д. 88. Л. 25–48.
- ²² ЦГА Д. Ф. 289. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Ф. 21. Оп. 5. Д. 64. Л. 52.
- ²³ ПОПНД. С. 181.
- ²⁴ *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 18.
- ²⁵ Подсчитано по материалам Годовых отчетов начальников округов Дагестанской области. См.: ЦГА Д. Ф. 21. Оп. 3. Д. 50–106. При исследовании ежемесячных донесений начальников округов и ежегодных отчетов генерал-губернатора Дагестанской области за 1860–1917 годы необходимо учитывать, что до конца 1860-х гг. большинство уголовных и уголовно-поземельных преступлений по адату скрывалось от окружного начальства. Их статистика становится относительно полной только к 1870–1880-м годам.
- ²⁶ ПМ. Оп. Судебные дела; *Шиллинг Е.М.* Малые народы Дагестана. М., 1993. С. 79, 163–165.
- ²⁷ *Магомедов Р.М.* Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 71–72 *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. Ч. 2. М., 1968. С. 14; *его же.* Этнография Кавказа. Л., 1982. С. 117–118, 128–129, 196; *Гусейнов М.М.* История селения Бацада. Махачкала, 1993. С. 30; *Шиллинг Е.М.* Свадебный обряд в Чохе // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. М., 1996. С. 72. Ср.: метечные архивы с. Кумух, Рутул, Хунзах, Чиркей Нагорного Дагестана.
- ²⁸ *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 49–50; ЦГА Д. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 3 об.
- ²⁹ ЦГИА Г. Ф. 545. Оп. 1. Д. 88. Л. 38, 40–41; РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1658. Л. 1–2, 22; метечные архивы сел Н. Батлук, Хунзах, Хуштада Нагорного Дагестана.
- ³⁰ ЦГИА Г. Ф. 545. Д. 3074. Л. 99–146. Ср.: *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 48–49.
- ³¹ Архивы Б. Гасанова (с. Рутул Рутульского р-на Дагестана), М.-С. Газиева (с. Хуштада Цумадинского р-на Дагестана), Р. Рамазанова (с. Шиназ Рутульского р-на Дагестана).
- ³² *Умаханов Х.* Помнят андийские горы. Махачкала, 1993. С. 86–90, 156–157, 188, 203–204. Ср.: ПМ. Опись Прелюбодеяния.
- ³³ ПМ. Оп. Прелюбодеяния, Судебные дела *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 56.
- ³⁴ Там же. С. 53; ПОА РАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 344. Л. 15.
- ³⁵ *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 54; ЦГИА Г. Ф. 545. Оп. 1. Д. 88. Л. 30, 34, 38–40; ПОА РАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 344. Л. 53–54; метечный архив с. Хуштада Цумадинского р-на Дагестана.
- ³⁶ ЦГА Д. Ф. 21. Оп. 1. Д. 106.
- ³⁷ Там же. Оп. 3. Д. 50–106. Ср.: дореформенную статистику, обработанную генералом *Комаровым*: *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 37–49.
- ³⁸ Подсчитано по материалам Годовых отчетов... см.: ЦГА Д. Ф. 21. Оп. 3. Д. 50–106.
- ³⁹ Центральный государственный военно-исторический архив (далее: ЦГВИА). Ф. 400. Д. 45. Л. 512; РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–10, Ф. 3. Оп. 1. Д. 236 (XIII). Л. 307, 553. Ср.: История Дагестана. Т. 2. М., 1968. С. 145.
- ⁴⁰ Там же. С. 24–27; метечный архив с. Ботлих Ботлихского р-на Дагестана.
- ⁴¹ ЦГА Д. Ф. 126. Оп. 3. Д. 50. Л. 1–6; *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 26.
- ⁴² *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 46–47; АДОЗО. С. 28–29.
- ⁴³ *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 43–49; ЦГА Д. Ф. Р-117. Оп. 34. Д. 7. Л. 56.
- ⁴⁴ ПМ. Оп. Кровная месть. Ср.: *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 34–35; *Рамазанов Р.А.* Указ. раб. С. 45; *Мусаева М.К.* Хваршины. Махачкала, 1995. С. 158–159.
- ⁴⁵ *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – начала XX в. М., 1978. С. 149; *Рамазанов Р.А.* Указ. раб. С. 45.
- ⁴⁶ Мечетные архивы с. Ахты, Бацада, Ботлих, Рутул, Хуштада Нагорного Дагестана; архив А. Магомедова (с. Согратль Гунибского р-на Дагестана) РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Л. 8, 24, 26; ПОА РАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 344. Л. 13–24; ЦГИА Г. Ф. 545. Оп. 1. Д. 88. Л. 26–33, 36–45; Д. 3074. Л. 133–146.
- ⁴⁷ ЦГА Д. Ф. Р-260. Оп. 5. Д. 30. Л. 16–18; Ср. данные по Дагестанской АССР за 1926 г.; *Мокринский С.П.* Преступления, составляющие пережитки родового быта // Советское право. 1927. № 3. С. 109.
- ⁴⁸ *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 57–67; *Рамазанов Р.А.* Указ. раб. С. 46–47.
- ⁴⁹ ПМ. Оп. Прелюбодеяния; *Шиллинг Е.М.* Малые народы..., С. 106–108.
- ⁵⁰ *Умаханов Х.* Указ. раб. С. 49–51; *Шиллинг Е.М.* Указ. раб. С. 104.
- ⁵¹ Предписание председателя Дагестанского народного суда от 20 сентября 1911 г. № 2288... // ЦГА Д. Ф. 21. Д. 7. Л. 18.
- ⁵² *Умаханов Х.* Указ. раб. С. 37–38, 46.
- ⁵³ *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 33; *Азизов С.А.* Территориальная локализация и экономическая ориентация южнодагестанского тухума в середине XIX – начале XX в. // Материальная культура народов Дагестана. Махачкала, 1988. С. 25.
- ⁵⁴ Подсчитано по материалам Годовых отчетов... ЦГА Д. Ф. 21. Оп. 3. Д. 50–106.
- ⁵⁵ Мечетный архив с. Акуша Акушинского р-на Дагестана; ПМ. Оп. Воровство.
- ⁵⁶ РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1658. Л. 8–10; *Комаров А.В.* Указ. раб. С. 17.

- ⁵⁷ Комаров А.В. Указ. раб. С. 60–61.
- ⁵⁸ ПМ. Оп. Топонимика андо-цезских народов. Ср.: Аварские народные сказки. М., 1972. №№ 36, 41, 46; Мусиева М.К. Хваршини, С. 143; Хамидов М.Ш. Бежтинско-русский-словарь. Махачкала, 1995. С. 352, 362.
- ⁵⁹ ЦГА Д. Ф. 21. Оп. 5. Д. 23. Л. 59–60.
- ⁶⁰ Полозов Б. 1905 и 1906 гг. в Закавказье // Bakhmeteff Archive of the Library of Columbian University. N.Y. P. 1–2; РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 236 (XIV). Л. 64.
- ⁶¹ ЦГАД. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5. Л. 2–5; Казаковский П.В. Разбон на Кавказе. Владикавказ, 1913. С. 79.
- ⁶² Подсчитано по материалам Годовых отчетов... ЦГА Д. Ф. 21. Оп. 3. Д. 50–106.
- ⁶³ ПМ. Оп. Поземельные споры. Ср.: Комаров А.В. Указ. раб. С. 50.
- ⁶⁴ ПОА РАН. Ф. 103. Оп. 1. Д. 344. Л. 55; ЦГИА Г. Ф. 545. Оп. 1. Д. 88. Л. 57–58, 66; Д. 3074. Л. 107, 145; мечетные архивы с. Бацада, Ботлих, Рутул, Саситли, Хварши, Хуштада и Чох Нагорного Дагестана; ПМ. Оп. Поземельные споры. Ср.: Алимова Б.М., Магомедов М.Р. Ботлихцы. Махачкала, 1993. С. 36.
- ⁶⁵ Архив М.-С. Газиева (с. Хуштада Цумадинского р-на Дагестана); мечетные архивы сел Бацада, Рутул, Тлондода Нагорного Дагестана.
- ⁶⁶ Вакуфные записи из мечетного архива с. Саситли Цумадинского р-на Дагестана; РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1658. Л. 4, 7, 14–20, 25–27.
- ⁶⁷ Комаров А.В. Указ. раб. С. 61.
- ⁶⁸ Панек Л.Б., Шиллинг М.Е. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. С. 39–40; архивы М. Нурмагомедова (г. Махачкала) и Р. Рамазанова (с. Шиназ Рутульского р-на Дагестана).
- ⁶⁹ Архив М.-С. Газиева (с. Хуштада Цумадинского р-на Дагестана); вакуфные записи из мечетного архива с. Саситли за 1287 г. х. (1870 г.); Азизов С.А. Указ. раб. С. 28.
- ⁷⁰ Архивы Б. Мухаммеда (г. Кизилюрт); М. Пахрудинова (с. Тлондода Цумадинского р-на Дагестана); ЦГА Д. Ф. Р-127. Оп. 85. Д. 40.
- ⁷¹ Подсчитано по материалам Годовых отчетов... См.: ЦГАД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 50–106.
- ⁷² Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала, 1970. С. 220; История советского крестьянства Дагестана. Т. I. Махачкала, 1986. С. 19, 27, 29.
- ⁷³ Архивы М. Пахрудинова (с. Тлондода Цумадинского р-на Дагестана) и Б. Мухаммеда (г. Кизилюрт); ЦГА Д. Ф. Р-127. Оп. 85. Д. 40. Л. 7 об; ПМ. Оп. Поземельные споры; Бобровников В.О. Реконструкция этнической истории багулал по данным микропонимки // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996. С. 13.
- ⁷⁴ ЦГА Д. Ф. 2. Оп. 5. Д. 96; Ф. 148. Оп. 3. Д. 6; архивы М.-С. Газиева (с. Хуштада Цумадинского р-на Дагестана), М. Пахрудинова (с. Тлондода Цумадинского р-на Дагестана) и Р. Рамазанова (с. Шиназ Рутульского р-на Дагестана); Умаханов Х. Указ. раб. С. 23.
- ⁷⁵ ПМ. Оп. Поземельные споры; ср.: Гусейнов М.М. История селения Бацада. Махачкала, 1993. С. 9.
- ⁷⁶ ЦГА Д. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1436; ПМ. Оп. Поземельные отношения.
- ⁷⁷ Дела Дагестанского народного суда №№ 14, 165, 180, 390 // ЦГИА Г. Ф. 416. Оп. 4. Д. 35. Л. 1–8.
- ⁷⁸ Дело Дагестанского народного суда № 154 // Там же. Д. 35.
- ⁷⁹ Дела Дагестанского народного суда №№ 109, 137 // Там же. Д. 35. Л. 11–12, 15–18.
- ⁸⁰ ЦГИА Г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3136. Л. 18, 36.
- ⁸¹ ЦГА Д. Ф. Р.-37. Оп. 24. Д. 31.
- ⁸² См., например: Engle M.S. Legal Pluralism // Law and Society Review. 1988. V. 22. № 5. P. 875–879.

V.O. Bobrovnikov. Courts of Customary Law in Pre-Revolutionary Dagestan (1860–1917)

The paper considers influence of judicial and administrative reform, passed by the Russian authorities in 1860–1868, on the indigenous law (*adat*) and *adat* verbal courts (*divan, maslihat*) in pre-Revolutionary Dagestan. To date this problem has been studied neither by Soviet nor by Western scholars. Principal sources of the paper are proceedings and judgments of verbal courts dating 1860–1917. The author argues that after the reform the Dagestani *adat* became very different from that of the first half of the 19th century. First, the all-Dagestani administrative system (so-called «military people's administration») was created for the first time in the history of this region. It consisted of 3 types of *adat* courts: verbal village, people's regional (*okruzhnye*) and the all-Dagestani ones. Second, village judges lost their independence and became Russian officials under the control of the state. Third, traditional dual jurisdiction of *adat* law and *shariat* was modified to a form of dual unity of state law on the one hand and local *adat-shariat* legislation on the other. At the same time the Dagestani *adat* retained its principal values and institutions such as divorce oath, system of compositions, expulsion of murderer from his native village etc. The Russian authorities have failed to abolish blood feud and land clashes among Muslim highlanders.